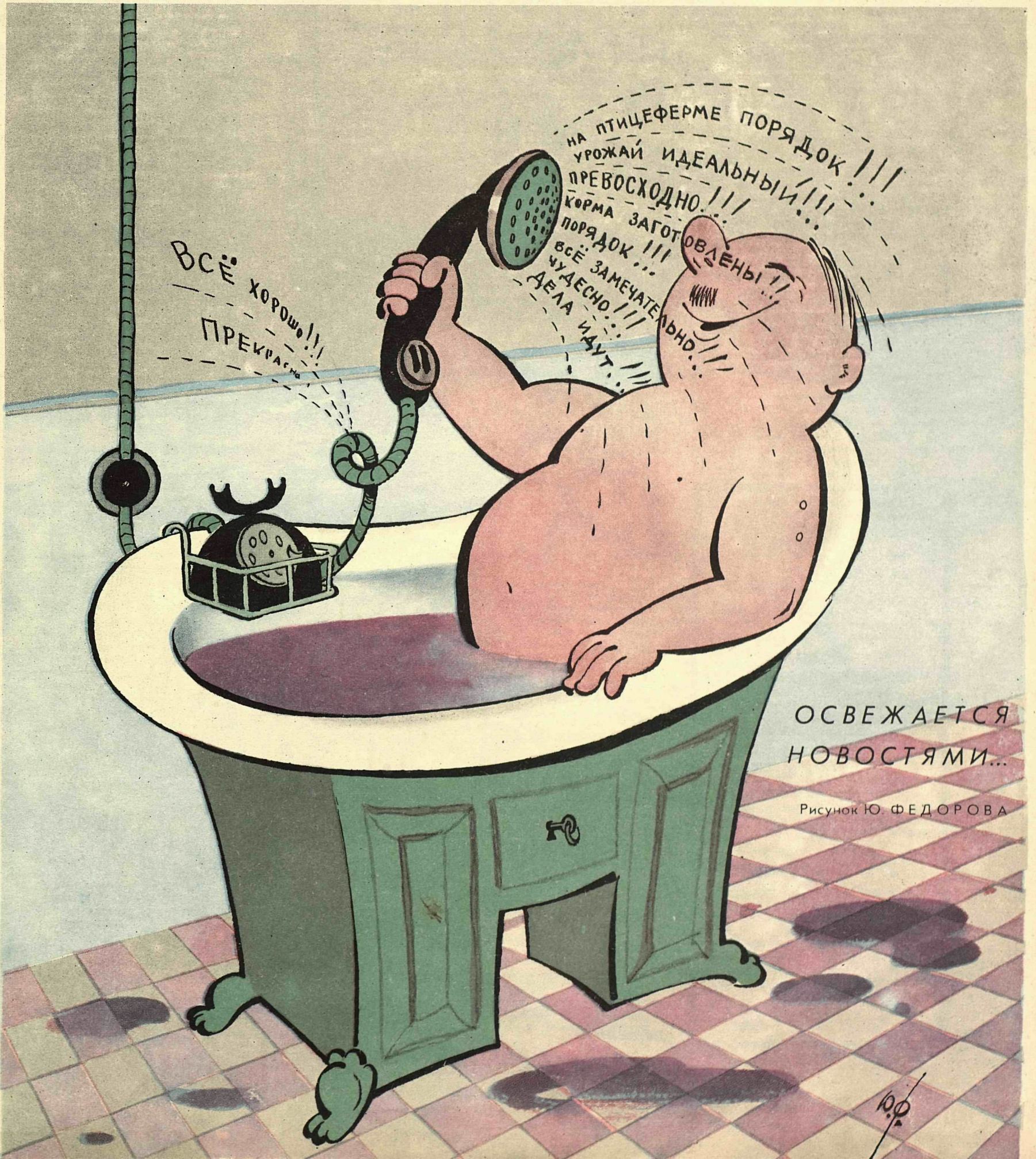

КРОКОДИЛ

№ 26 (1676)

ГОД ИЗДАНИЯ 41-й

20 СЕНТЯБРЯ 1962

ОСВЕЖАЕТСЯ
НОВОСТЯМИ...

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Ю.Ф.

ХЛЕБНОЕ МЕСТО

Жил-был некто Цыновкин. Директор. Не завода, не фабрики, не магазина, а странствующего оркестра. Ездил оркестр из города в город, давал концерты, и народу на концертах было всегда видимо-невидимо — так хорошо играли музыканты. И не раз музыкантам приходилось слышать: «Сыграйте, пожалуйста, еще!»

И вдруг откуда ни возьмись — ревизия! Понаехали ревизоры — две недели музыкантам играть мешали, две недели бумаги ворошили, трубачей и скрипачей опрашивали, даже в ноты к ним заглядывали, но так ничего и не нашли. Пожали ревизоры плечами, поставили точку и уехали...

Попал акт ревизии на стол к заведующему всеми странствующими музыкантами — Кадроедову. Ознакомился Кадроедов с материалами обследования и расстроился.

— Полный ажур? На таком-то хлебном месте?! Быть того не может! Ведь по роже видно, что Цыновкин — плут и делец. Не иначе, он с моими ревизорами общий язык нашел...

И даже в голову не пришло Кадроедову, что может человек днем честно работать, ночью спокойно спать, фиктивных счетов не подписывать, взятку не брать, другим не давать и что именно таким человеком и был тот Цыновкин, у которого «на роже было написано», что он плут и делец. Даже в голову не пришло!

БРАКОНЬЕРЫ

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

Самиг АБДУКАХХАР

Сон раиса

Приснилось раису:
спасая бока,
стремглав он несется —
бежит от быка.
А бык за спиной!
И спасаться пришлось
в той яме, где раньше хранился
силос.

Проснулся он в ужасе.
Ах, благодать!
Все пусто.
Быков никаких не видеть.
И страхи ночные, как видно,
впустую.

А ямы силосные,
правда, пустуют!

Раис — председатель.

Тулкун РАДЖАБИ

Событие

Врач вызван срочно.
В доме кавардак.
Пятак
случайно проглотил завмаг!
Соседи шепчут:
«Это не беда...
Глодает он и больше
без вреда...»

Перевел с узбекского
А. НАУМОВ.

— Хотят меня с должности бригадира снять. Да на мне вся ферма держится!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

ВЕСНА...

В доме Марьи Васильевны жизнь как будто шла своим чередом. И не случайно на вопрос соседок: «Как жизнь?» — она неизменно отвечала: «Чудесно». Но так было только до нынешнего дня.

А что же произошло сегодня? В полдень, как всегда, Марья Васильевна нажала на белые клавиши радиоприемника, но зеленый огонек не затрепетал и никаких звуков не последовало. Тогда она, так сказать, в порядке проверки попыталась включить свет, но лампочка не загорелась.

— Что же это такое? — взмолилась Марья Васильевна. — Радио молчит, свет не горит, а вечером и к телевизору не подойди. Надо немедленно принять меры...

С этими мыслями хозяйка дома направилась в контору домоуправления. На ее счастье, монтер оказался на месте.

— Петя, а Петя, сходи-ка к этой гражданке. Погляди, в чем там дело, — обратился управдом к юноше в форме ремесленника.

Марья Васильевна недоверчиво посмотрела на молодого человека с контрольной лампой и сумкой в руках.

— Ну что ж, пойдём, парень, — сказала она и тяжело вздохнула.

Парень по имени Петя прощупал контрольной лампой электрический ввод и вывод у счетчика. Лампа вспыхнула.

— Все будет в полном порядке, мамаша, — подмигнул хозяйке Петя, и в комнате зажегся свет, из радиоприемника полились звуки вальса.

— Как в порядке? Уже в порядке? — обрадовалась Марья Васильевна. — Ты, я вижу, настоящий мастер. Ох же и молодец! Одну минуточку, просто так я тебя не отпущу.

Хозяйка дома вытащила из шкафа бутылку с розовым напитком. Вместо пробки горлышко сосуда было перевязано белой марлей.

— Вот тебе, Петя, в знак благодарности вышей рюмочку вишневой наливки.

— Что вы, что вы, мамаша, я не пью. И вообще так не полагается! — сказал Петя и быстро шагнул к двери.

— Как это так не полагается? — настаивала Марья Васильевна. — Ты еще такой наливочки сроду не пробовал.

— Нет, нет, спасибо. И не просите! — твердо сказал Петя и выбежал на лестничную площадку.

Вишневая наливка расплескалась в дрожащих руках хозяйки. Из радиоприемника неслась песня, а в комнате ярко светились электрические огни...

ЛЕТО...

— Что за невезение! — ворчала хозяйка дома Марья Васильевна. — Опять та же история с этим светом. Опять в комнате темно, радио молчит и телевизор словно мертвый.

Хозяйка решила проявить инициативу, влезла на табурет, надела лайковые перчатки, открыла пробку и началаковырять карандашом, снова ввернула пробку, но увиль...

Пришлось опять идти в домоуправление. И вот снова на пороге квартиры появился старый знакомый — электромонтер Петя, встреченный, как говорится, с распростертыми объятиями.

— Спаситель ты мой, жду я тебя весь день и не дожусь! Ты уж там наколдуй, пожалуйста.

Монтер, как и в прошлый раз, с помощью контрольной лампы прощупал оголенный провод и быстро обнаружил повреждение.

— Свет! Свет! — обрадовалась Марья Васильевна и бросилась к шкафчику.

Петя сообразил, в чем дело, и в категорической форме заявил:

— Напрасно беспокоитесь. Я пить не буду, и вообще это ни к чему. Если что нужно починить, — это моя обязанность... За это я зарплату получаю.

— Что ты, Петя, я, можно сказать, в знак благодарности! Ну выпей же рюмочку вишневой! — настаивала хозяйка.

— Я, Марья Васильевна, не пью и тем бо-

радости встретила Марья Васильевна электромонтера.

В столовой Петю уже ожидала закуска и вишневая настойка.

Когда повреждение было исправлено и зажегся свет, монтер разглядел на тарелке несколько кусков жареной рыбы, ломтики ветчины и рюмки с розовым напитком.

— Ну, мастер, — заискивающе обратилась к Пете хозяйка, — садись за стол, ты у меня не гость, а вроде уже хозяин. Ты честно заработал, ешь, пей и, как говорится, будь веселей.

Монтер улыбнулся и пошел к двери.

— Куда ты, куда ты, мальчик мой? — заволновалась хозяйка.

— А где тут у вас можно рюмки помыть? — пробасил Петя и взял из рук Марьи Васильевны чистое полотенце.

Рыба, ветчина и особенно вишневка очень понравились Пете...

ЗИМА...

Белоснежным покровом устланы крыши домов, ветер воет в дымовой трубе. Уютно и тепло в квартире Марьи Васильевны. Хозяйка со своей подружкой-соседкой «смотрят в телевизор». На экране мелькают кадры трагического кинофильма. Марья Васильевна утирает платком слезы и тихо стонет.

И вдруг что-то треснуло. Экран медленно угас, мигая ярко светящейся точкой.

— Чтоб вас громом сразило! — выругалась хозяйка без определенного адреса. — Пойду погляжу, горит ли свет у соседей, или испортилось только у нас.

Выглянула Марья Васильевна в окошко. К ее огорчению, всюду светились окна.

— Да, только у нас. Опять эти проклятые пробки. Надо сходить за Петей, — сокрушенно сказала хозяйка и оставила соседку в темной комнате.

К счастью, Петя оказался дома. Несмотря на вечерний час, он не отказал Марье Васильевне в ее просьбе. Вооружившись контрольной лампой, резиновыми перчатками, ногтями и плос-

когубцами, Петя отправился на поиски повреждения. На этот раз монтер работал с подчеркнутой старательностью. Он долго осматривал счетчик, проводку, выходил на лестничную площадку, открывал и закрывал доску с пробками.

Прошло полчаса, но повреждения не удавалось обнаружить.

Хозяйка вздыхала. Давала советы. Подсказывала, где, по ее мнению, могло произойти замыкание или что-нибудь в этом роде.

— Нашел! — торжественно воскликнул Петя — и сразу квартира озарилась электрическим светом, снова заговорил телевизор.

По старой привычке Марья Васильевна кинулась к шкафу, к бутылке с вишневой наливкой.

Но Петя схватил ее за руку.

— Не стоит беспокоиться. Наливку я не пью.

— А ведь в прошлый раз пробовал, — возразила хозяйка.

Монтер скромно опустил голову и тихо сказал:

— За такую работенку, Марья Васильевна, можно и на пол-литра не пожалеть.

У хозяйки потемнело в глазах, хотя электрическое освещение было в полном порядке...

г. Ташкент.

О. ЮХНОВ

ВРЕМЕНА ГОДА

РАССКАЗ

лее на голодный желудок. Сегодня, знаете, столько вызовов было, что даже пообедать не успел, — оправдывался электромонтер.

— Не успел? Так чего же ты сразу не сказал! Вот поешь блинчики со сметаной, червячка замори.

— Разве что червячка заморить...

Хозяйка подала монтеру тарелку с блинчиками, залила их сметаной... Петя ел с аппетитом, ела и хозяйка, запивая закуску вишневой наливкой.

— На здоровье, Петенька. Золотые у тебя руки. Если будешь где-нибудь тут рядом, обязательно заходи...

ОСЕНЬ...

Третий день шли дожди, дули ветры, а электрические провода, как известно, не очень любят ненастную погоду. И вот в квартире Марьи Васильевны опять что-то случилось с электропроводкой. Опять замолчало радио и черной пеленой покрылся экран телевизора.

Хозяйка то и дело выглядывала в окошко, надев теплый платок, выходила на улицу, а монтера все не было.

— Где же ты это запропастился, Петя мой? — причитала Марья Васильевна.

Над городом спустились сумерки, начало темнеть. И вдруг послышался стук в дверь.

— Петя мой долгожданный! — со слезами

П Р О Б К О В Ы

Ю. АЛЕКСЕЕВ, Б. ДАНЕЛИЯ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

**О ПЫЛАЮЩИХ ШАШЛЫКАХ,
БЕДНОМ МИЛЛИОНЕРЕ,
СЕМГЕ ДЛЯ ЦЫПЛЯТ,
ГОВОРЯЩЕМ МЕДВЕДЕ,
ГЛУХОНЕМОМ ПРОКУРОРЕ,
ПЛЯЖНОЙ ШУБЕ,
МИЛИЦИОНЕРЕ В МЕШКЕ
И ВЕСЕЛЫХ ПОХОРОНАХ.**

ГРАЖДАНИН С МАХРОВЫМ ПОЛОТЕНЦЕМ

Девять лет назад в Адлере, на благодатном черноморском берегу, появился усталый гражданин с махровым полотенцем через плечо. О нет, он не принадлежал к числу беспечных пляжников. В махровом полотенце заключалось все его движимое и недвижимое имущество. Правда, был у человека еще и багаж — груз нелегких воспоминаний о тачке, которую он катал семь лет от звонка до звонка.

А тачку человек катал не столько по собственному желанию, сколько по рекомендации суда. Его, Михаила Саркисовича Симавоняна, «подвела под монастырь» увлеченность танцами. Будучи руководителем одного из Домов культуры, он так увлекся культурной деятельностью, что стал сбывать танцорам билеты собственноручного подпольного изготовления.

Левый валс обеспечил Михаилу Саркисовичу Симавоняну 67 тысяч полновесных рублей и семь не менее полновесных лет тюрьмы.

Последнее обстоятельство крайне огорчило самозванного балетмейстера, но не притупило его коммерческую изобретательность.

Прибыв в Адлер, Михаил Саркисович расстелил на берегу свое махровое полотенце и погрузился в размышления: с чего же начать? Ловля рубликов в мутной воде фатально сопряжена с перспективой потонуть. А ловить ой как хотелось! Ловить не удочкой, а сетью (например, торговый). Но как удержаться на поверхности без погружения на энное количество лет?

Солнце сияло. Море смеялось. В волнах лениво покачивалась одинокая бутылочная пробка. Михаил Саркисович впился в нее глазами, как отчаявшийся рыбак в поплавок.

Михаил Саркисович не знал греческого. Вместо «Эврика!» он закричал: «Пробка!»

СИМАВОНЯН И СОРОК ПОМОЩНИКОВ

Ступив впервые на палубу парохода, скептик (из тех, что себе на уме) обычно обращает взор не к белоснежной красавице трубе, а к серенькому пробковому поясу. Скептик прозорлив.

— Труба — оно, конечно, хорошо. Но в случае крушения или какой другой оказии от нее только дым пойдет. А спасательный пробковый пояс всегда поддержит. На нем можно противоборствовать стихиям. Можно даже фривольно плавать, сложив ладошки подозрительной трубой и подражая губами пароходному гласу.

Михаил Саркисович твердо намеревался фривольно плавать по бурному житейскому морю, и

только запрещенными способами. Но житейское море изобилует крушениями и неподведомственно даже пароходству. Михаилу Саркисовичу поневоле приходилось самообеспечиться подручными плавсредствами. И он начал коллекционировать пробки.

С готовностью и даже настоятельно угощал Михаил Саркисович всякого, кто мог ему быть полезен или, хуже того, вреден. Осушив с приглашенным бутылочку, он прятал пробочку в карман, а потом химическим карандашом ставил на ней дату и фамилию собутыльника. Так Михаил Саркисович создавал себе спасательный пробковый пояс, способный поддержать его в нелегком плавании и даже спасти в случае «крушения». Плавание было удачным. Побарахтавшись в житейских, обогащающих организм водах Краснополянского сельпо и райпо, Михаил Саркисович настолько оброс пробкой, что без труда вынырнул на должности управляющего адлерской конторой «Курортторг».

Овладев конторой, он мгновенно собрал под свое махровое полотенце сорок тертых «ребят» с подконвойной выправкой и прошлым темным, как ночь в колодезь.

— Не оскудеет рука берущего, — с намеком напутствовал подчиненных управляющий.

— Не оставим руку дающего! — преданно гаркнули «ребята» и шустро разбежались по крупным торговым точкам и маленьким запятым конторы «Курортторг».

Тертые «ребята» службу знали. Кладовщики-старатели Ионов и Челян из каждой тонны картофеля намывали 80 целковых. Оформили полмиллиона килограммов как двухкопеечную гниль и загнали, не улыгнувшись, по гривеннику. Ну как тут оскудеть?

Не отставал от собратьев и зав. тарным складом Сунгурян. Поднатужив слегка фантазию, он сдал сам себе сто тысяч бутылок-невидимок и в благодарность за умственное напряжение положил в карман 10 тысяч целковых.

Помощники Михаила Саркисовича тащили и гнали «налево» сахар и телевизоры, масло и холодильники, шифоньеры и шифер, пляжные шлепанцы и финские домики. За один пляжный сезон они загнали всякой всячины ровно на миллион новой монетой.

Веселые «ребята» давали сто очков форы Диду Читашвили, Арутюну Аюкяну и самому Кио, взятым вместе с ассистентами и реквизитом.

К примеру, отужинав с директором птицефабрики Хрипко, они тотчас списывали на корм неподведомственным ему цыплятам печенье «Октябренок» и семгу слабого посола.

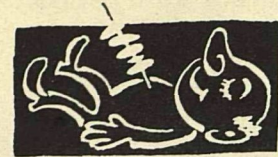
Понравилась ли непьющим цыплятам малосольная семга, неизвестно, но государству подобного рода чудеса в решетке принесли убытков на 60 тысяч рублей.

Это только государству. Курортника же сорок «ребят» обдирали легко, как банан. В адлерской кузнице здоровья отдыхающие получали в чистом виде разве что один загар. Ибо в каждом рубле, доставленном бесшумным отдыхающим в вольный город Адлер, «ребята» видели, а затем и осызали теплый персональный гривенник. В сметану они ведрами лили молоко, а в вино водичу. Фирменные ресторанные блюда варганили из мясных обрезков и коровьего вымени.

Сорок молодцов тянули со складов, из магазинов, столовых, палаток, ресторанов с таким усердием, словно соревновались в перетягивании каната. Тянули, но не забывали и руку дающего, руку ведущего, руку опекающего. Михаил Саркисович Симавонян имел свою долю и с картошечки, и с бутылочек-невидимочек, и со всего другого прочего. Но это не все. Для него была введена новая форма торговли — доставка всех продуктов на дом без всякого продавца и оплаты.

Михаил Саркисович не имел привычки лезть в бумажник, ежели брал в неподведомственных магазинах отрез на костюм, телевизор и другой ширпотреб.

Нет, не забывали сорок молодцов руку дающего. Махровое полотенце Михаила Саркисовича Симавоняна обернулось каменными палатами, набитыми, как лавка антиквара. Сам он в отдохновении возлежал на берегу моря не иначе как на текинском ковре. А рядом стоял почетный караул преданных сослуживцев с бутылкой шампанского на изготовке.

ШАШЛЫК ПО-АДЛЕРСКИ

В один солнечный день над Адлером вдруг появилась небольшая, но очень черная тучка. Михаил Саркисович задрал в небо голову и безошибочно определил:

— К нам едет ревизор!..

Чуть подумав, он важно поднял вверх указательный палец и уточнил:

— Старший ревизор «Главкурортторга» Ульянов.

Симавонян приказал своим помощникам вынести боевой махровый бунчук — полотенце и поспешил навстречу грозному представителю главка.

— Первым делом попрошу обревизовать ресторан «Чайку», — почтительно и вкрадчиво предложил Симавонян столичному гостю. — Проверить, так сказать, калорийность, ассортимент и прочее...

Суровый ревизор решительно переступил порог банкетного зала и разинул рот, как бы собираясь крикнуть «ау».

Вообще-то и не мудрено было оксченеть. На столе, призывно сияя янтарными боками, томно

Угодливо изогнувшись, Михаил Саркисович готовится овладеть очередной «пробной».

возлежали жареные поросятки в розовых бумажных ошейниках. Прославленные цыплята «табака» по-пластунски прижались к тарелкам, источая умовазмутительный аромат. Зернистая икра мокрой галькой проглядывала сквозь крепкий частоконьячных бутылок.

Михаил Саркисович незаметно взмахнул боевым махровым бунчуком. В зал табуном ввалились верные помощники. Дружно отплясывая танец с шампур-вертелами, они стали теснить представителя главка к банкетному столу. Спротивление было бесполезным. Отчаявшийся посланец главка схватился за острую вилку и с силой вонзил ее в сердце... жареного поросенка.

— Пробка! — радостно заревел Михаил Саркисович. И грянул залп.

— Пробка! — заорал он снова. И грянул второй... — А теперь внимание! — с левитановским металлом в голосе воскликнул Михаил Саркисович. — Художественная часть!

Погас свет. В дверях показалось факельное шествие, возглавляемое шеф-поваром Остроуховым. Факелы, однако, источали не запахи смолы, а терпкий аромат жареного барашка. И не удивительно: в руках шеф-повара пылали благородным огнем шашлыки, орошенные спиртом.

— Пробка! — по-солдатски грянули помощники.

Сраженный брызгами шампанского, представитель вышестоящей инстанции пошатнулся и, не устояв на ногах, пал при исполнении служебных обязанностей.

Когда ревизор очнулся, вокруг было темно и тихо, как в полночь на погосте. Не изменяя горизонтального положения, тов. Ульянов поднял руку

И П О Я С

вверх и с дрожью ощутил над собой деревянную крышку.

— Как? Уже?! — обливаясь холодным потом, прошептал заживо погребенный ревизор.

Ответа не последовало. Полномочный представитель «Главкурортторга» узрел небольшой просвет, встал на четвереньки и кое-как вылез из-под стола.

Дальнейшую работу пришлось временно прекратить, ибо, испытав накануне значительную перегрузку, ревизор не на шутку занемог.

— В воздухе, понимаете, влажность, — объяснил он Михаилу Саркисовичу, — а в горле почему-то сухость.

— Не волнуйся, дорогой! — успокоил гостя предупредительный Симавонян и прописал ревизору лекарство: три раза в день по большой бутылке.

Через неделю Михаил Саркисович заполучил ревизорских пробок столько, что их хватило бы слону на бусы. С тов. Ульяновым он уже обращался, как с ученым медведем. Причем «медведь» не только послушно ходил по команде на нетвердых лапах, но и произносил весьма полезные афоризмы: «Надо, чтобы у вас везде были свои люди, чтобы вас не продавали, чтобы мы, ревизоры, могли быть спокойны и легко составляли бы положительные акты в вашу поддержку».

Доклад ревизора Ульянова о работе Адлеровской конторы был выше всякой критики.

Руководству доклад понравился. Однако главбук Нифонтов, упершись в суженные до размеров щели телефона-автомата глазки ревизора, высказал обидные сомнения. Высказал и срочно отбыл к Черному морю на предмет сверки и перепроверки.

Оргвыводы старшего ревизора удивительным образом подтвердились. Бдительный страж ведомственных кредитов спешно уведомил о том начальника главка Бурова.

Тов. Буров выслал на разведку свою дражайшую половину.

Адлерские хлебосолы устроили гостю горячую встречу в пансионате на Холодной речке. Столичную даму заботливо снабдили личным телевизором, персональным холодильником и высококалорийными бесплатными продуктами.

Дама осталась довольна и по наущению Михаила Саркисовича стала дено и ношно, письменно и устно искушать своего супруга. Супруг не устоял. И прибыл в Адлер.

Встречу, само собой разумеется, обеспечил Михаил Саркисович. Стол, как всегда, накрыли в банкетном зале. За обедом, как обычно, говорили о выполнении плана и текущем моменте. Начальник главка усиленно нажимал на культуру обслуживания и нежную форель.

После обеда Михаил Саркисович взял со стола самую большую пробку, лизнул ее языком и начертал на ней химическим карандашом: «Тов. Буров — большой начальник».

Пробковый пояс Михаила Саркисовича рос не

по дням, а по часам. Вечным, неугасимым огнем пылали в «Чайке» шашлыки во славу щедрого управляющего конторой.

Пылали по случаю совещания бухгалтеров курортторгов Черноморья, собравшихся, дабы поделиться опытом по упреждению хищений. В свете голубого благородного огня забуревшие до остервенения «упредители» ползали под столом на четвереньках и взапас целовались от избытка чувств.

Пылали шашлыки и по случаю окончания районной партконференции и по случаю назначения нового начальника «Главкурортторга» тов. Фролова. Влиятельные гости бойко четвертовали «табака». Весело мазали на хлеб черную икру. Сорок удалцов потрошили город. А Михаил Саркисович, высунув фиолетовый язык, усердно выводил на пробках имена и фамилии.

ЗАКРОЙЩИК ИЗ АРМАВИРА

Титанические усилия Михаила Саркисовича даром не пропали. За короткое время он собрал самую уникальную коллекцию пробок. Пробки были различные: микроскопические — от мелких мерзавчиков и гигантские — от дорогих и солидных бутылей.

Каждая из них занимала в коллекции свое место и была снабжена неповторимым инвентарным номером: пробка № 1 — Фролов, начальник главка, пробка № 4 — Лопухов, первый секретарь райкома, пробка № 5 — Гулидов, второй секретарь райкома, пробка № 8 — Пересада, райпрокурор. Каждая пробка имела свою историю. Взять хотя бы № 4 и № 5.

Как-то, набрав в грудь воздух, Михаил Саркисович пригласил на прогулку по ореховой роще Ивана Степановича Лопухова и Ивана Григорьевича Гулидова.

— Роща очень укрепляет, — рассылался Михаил Саркисович, — впечатляет и озонирует.

— Что же, пожалуй, — согласились секретари.

Как выяснилось позднее, еще более укрепляет, впечатляет и озонирует на лоне природы кондиционный коньячок. Так в кармане Михаила Саркисовича остались тогда эти две пробки столь ценной породы. Любвеобильный коллекционер был настолько растроган, что как-то само собой устроил любезному Ивану Степановичу холодильник, а его супруге — нейлоновую шубу под цвет глаз.

Однако бесподобная шубка как-то не гармонировала с чересчур строгим костюмом Ивана Степановича. Михаил Саркисович срочно выписал из Армавира закройщика-умельца и за руку привел его в кабинет Ивана Степановича, дабы снять мерку.

— Момент-с, — подсколил умелец к приятно удивленному руководителю. — Будьте настолько перпендикулярны.

Иван Степанович стал перпендикулярен.

На досуге управляющий «Курортторгом» любил развлекаться. Любовно, на манер оловянных солдатиков, расставлял он пробки на полированном столике.

В отличие от безжизненных оловянных фигурок пробки Михаила Саркисовича четко и послушно выполняли любую команду.

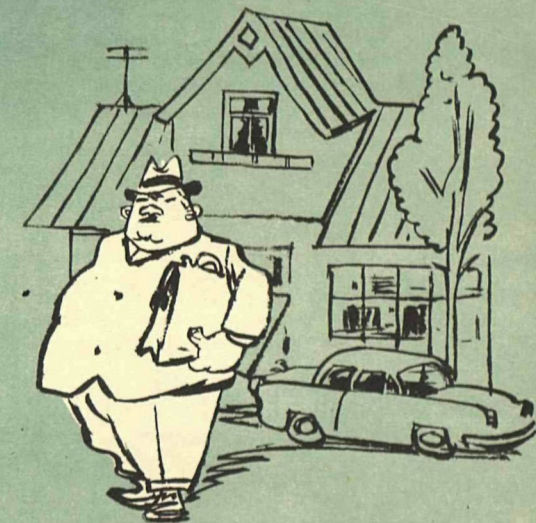
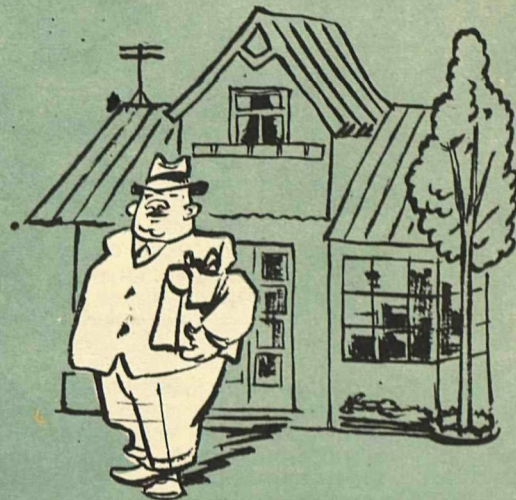
— Пробка № 4, попрошу унять пробку № 8! — шутиливо командовал хозяин коллекции.

И пробка № 4 мгновенно начинала подталкивать к краю стола пробку № 8. Михаил Саркисович довольно потирал руки. Такая игра была ему не только приятна, но и безмерно полезна. Шутки шутками, а он, еще не залечив мозоли от семилетнего общения с тачкой, стал депутатом райсовета, членом исполкома, членом райкома и депутатом городского Совета...

(Окончание
следует.)

БЫЛ ЧЕЛОВЕК...

...И НЕТ ЧЕЛОВЕКА

Рисунок Г. ИОРША

Банкет, посвященный «пуску» первой очереди ресторана «Чайка», удался на славу. Отсутствие аппетита, как видите, гости не страдают.

О ЧЕМ МЫЧАЛИ КОРОВЫ

Героем одной древней сказки был мальчик, который понимал птичий язык, благодаря чему сумел предотвратить множество несчастий.

Это было очень давно. С тех пор мальчик вырос, прошел курсы повышения квалификации, где в совершенстве изучил и коровий язык.

— Практику будешь проходить на Владивостокском мясокомбинате, — сказал ему директор курсов, и мальчик отправился без промедления, ибо был дисциплинированным.

Над бойней комбината стояло многоголосое мычание. Мальчик пытался что-либо разобрать, но не мог. Тогда он обратился к одной юной коровке, тощей, как ящерица:

— Корова, скажите, о чем вы мычите?

Корова взглянула на сказочного мальчика угасшими глазами и ответила:

— И вы бы замычали, посади вас на такую диету. Вот уже две недели голодаем. Есть хочется! Му-у-у!

— Так, может, вас готовят к спортивным выступлениям?

— Какие спортивные! — вмешался черный бык со впавшими боками. — Из нас по идее должны делать антрекоты, отбивные, шницели. А теперь, кроме кожи и костей, я ничего не могу предложить человечеству. О люди, в ваших же интересах кормить нас как подобает!

— Будто он голодает один! — презрительно сказала молодая, но уже морщинистая телка. — Нас здесь, если хотите знать, триста пятьдесят голов...

Мальчику стало грустно. Он подошел к другой группе животных. В центре группы рябой бычок рассказывал историю своего путешествия:

— ...и вот собрали нас без одной пятисот душ и погнали сюда. А здесь я узнал, что нас за один день, 31 июля, пригнали столь-

ко, сколько за все три предыдущие месяца.

— Простите, но почему, во-первых, вас гонят столь неравномерно? Во-вторых, почему вас тут держат без еды и питья целыми неделями?

— Мы не знаем, — смущенно ответил бык, — спросите у работников бойни. Да заодно попросите для нас какой-нибудь еды. Хоть соломы. — И он тут же присоединил свой голос к реву собратьев, которые снова дружно замычали:

— Люди! Дайте кушать!

А мальчик побрел к работникам бойни. И они ему поведали:

— Все очень просто, дорогой гость. Дело в том, что с декабря по июль включительно закупочные цены на скот выше, чем с августа по декабрь. Вот сдатчики и гонят живность на бойню в последних числах июля. А вообще, молодой человек, обратитесь к товарищу Косолапову.

— А кто это Косолапов?

— Это заместитель управляющего трестом «Скототорм». Он ведает закупками скота.

И мальчик пошел к товарищу Косолапову, рассказал, что он услышал от коров и от работников бойни.

— Разве можно коровам верить? — усмехнулся товарищ Косолапов. — Они вам с голодухи, пожалуй, еще и не то намычат. Гм... вообще-то цифры правильны. Но можем ли мы сдерживать сдачу скота? Это будет неполитично. А что касается работников бойни, — они сами виноваты. Ведь знали, что в июле будет нашествие скота. Нужно было подготовиться... Как? А это уж не мое дело.

Мальчик отправился в краевое управление мясо-молочной промышленности, но и там ничего толкового не услышал. Получилось так, что заготовка кормов для прибывающих животных возложена на... самих животных. Кто больше заинтересован в кормах? Коровы. Так пусть сами и заботятся о своих обедах и ужинах.

— А что будет в октябре, когда кончится травка на пастбищах и снова на бойню хлынет новая волна рогатых?

— То же, что и теперь, — кратко ответили мальчику ответственные товарищи.

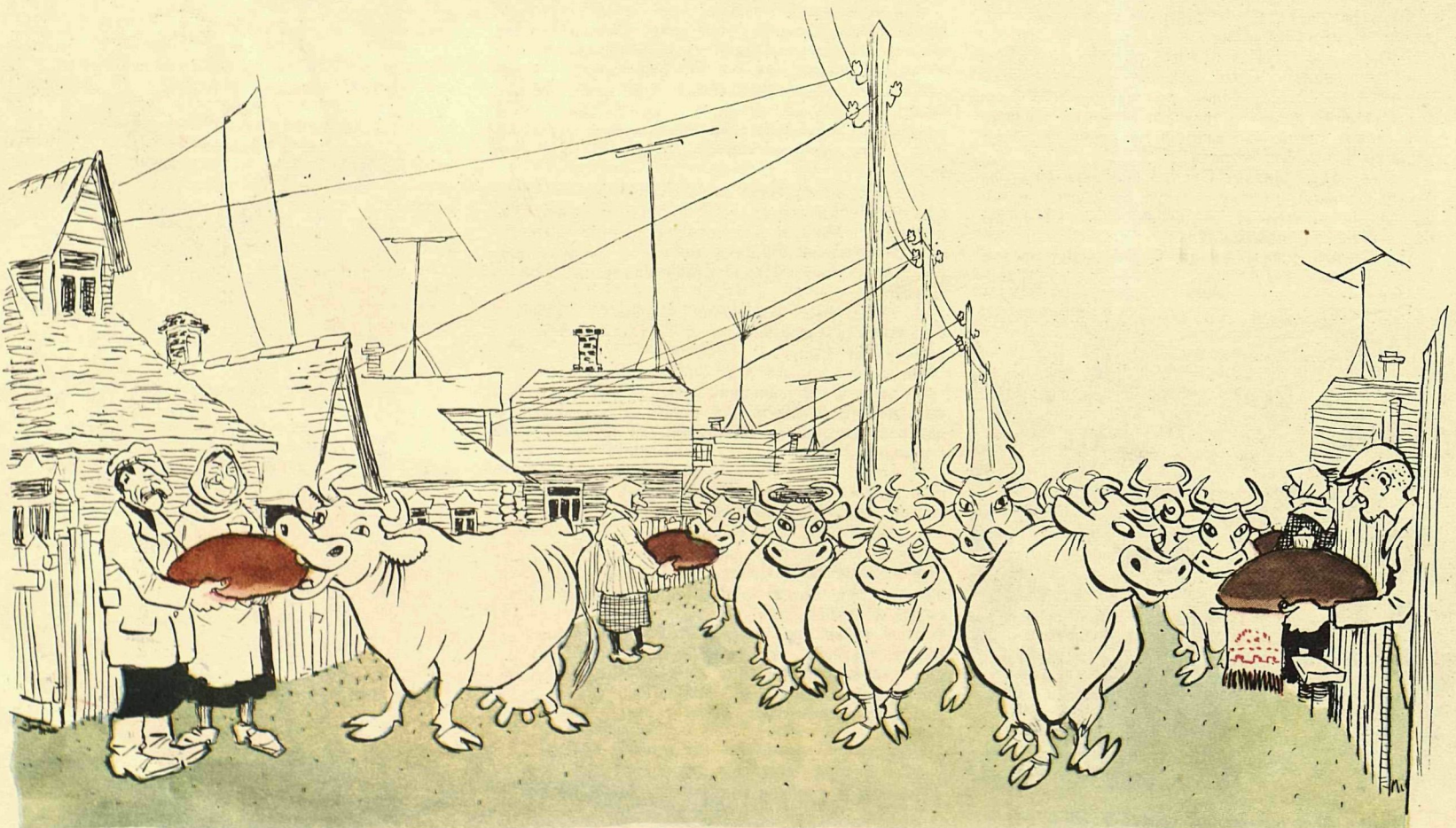
Мальчик пошел и рассказал все это коровам и быкам, которые с нетерпением ждали его прихода.

— О боги! — воскликнула пожилая корова. И рухнула без чувств. Мальчик подбежал к ней, вытащил из кармана бутерброд и хотел подкрепить бедняжку. Увы! Поздно. Сердце бедняги не выдержало тяжелых испытаний. Оно больше не билось.

Куда крепче сердца у тех, кто ведает закупками скота в Приморском крае!

В. КУЦЫЙ

г. Владивосток.

ВСТРЕЧАЮТ ХЛЕБОМ-СОЛЬЮ (купленными в продмаге)

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

АКУЛИНА

В понедельник Акулина
Целый день сидит у тына:
— На работу не пойду:
Есть причина — гостя жду!
А во вторник вдруг дорогу
Перешел ей черный кот:
— Ой, вернусь! Поставлю богу
Три свечи — беда пройдет!
В среду зеркальце разбилось,
Сердце бабоньки забилось:
— Кто-то должен помереть,
Надо дома посидеть!
Весь четверг собака выла,
Акулина говорила:
— Не пойду на сенокос.
На пожар завыл Барбос!..
Ну, а в пятницу навстречу
Шла сестра с пустым ведром.
Повернула баба плечи
И бегом скорее в дом!
А в субботу на работу
Торопиться неохота:
На крестины куманек
Самогончиком завлек.
Что ж сказать про воскресенье?
В божий храм с особым рвением
Акулина держит путь —
Со святыми отдохнуть!..
Так проходит вся неделя,
Баба брешет от безделья.
Не язык — одна мозоль,
А в труднижке...

ноль да ноль!

Н. ПОЛОТАЙ

г. Симферополь.

НЕЧЕГО СКАЗАТЬ

Он человек был неплохой:
и внешне не урод
и по характеру не злой,
не пьяница, не мот,
не туп, не глуп и не болтлив,
не хулиган, не лжец,
не легковверен, не ревнив,
не скряга, не гордец...

О нем плохих и горьких слов
никто сказать не смел.
Друзей и — не дай бог! —

врагов

он с детства не имел...

А. КИРНОСОВ

г. Ленинград.

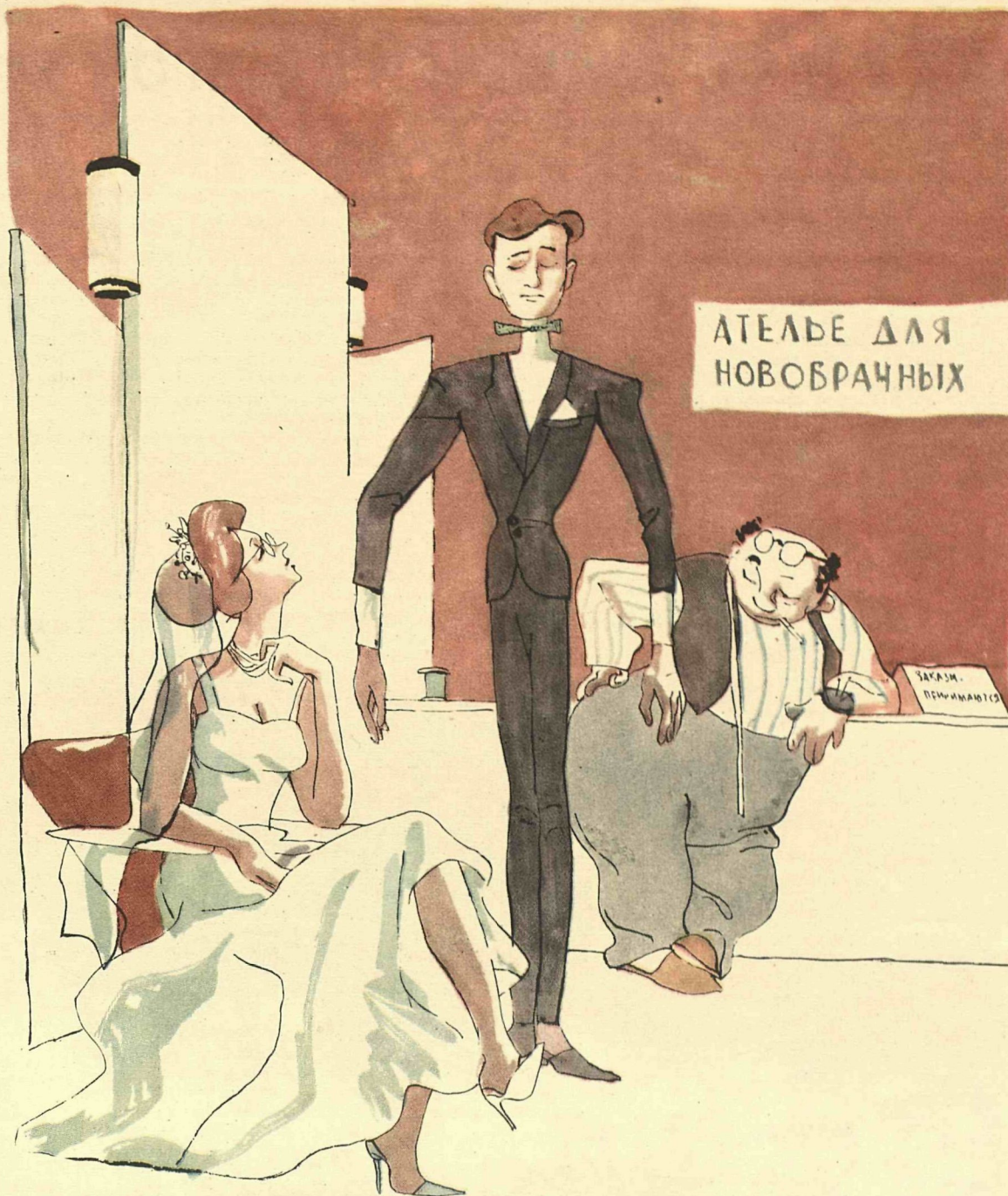
ЗВОНКОЕ ДЕРЕВО

Стихи не только для детей

Сто тысяч птиц —
Не менее! —
На дереве одном.
Гляжу я с удивлением
На звонкий птичий дом.
Хожу вокруг да около
До самой темноты.
А дерево,
Что колокол,
Звенит на все лады.
Сто тысяч птиц уверенно
Поют в ветвях густых...
Должно быть, это дерево
Приглядней всех других?
Оно, наверно, всех стройней?
Кудрявей всех?
Добрей?
Вот что сказал на это мне
Хитрющий воробей:
— Зерно — еда богатая —
Здесь рядом круглый год!
Ведь возле элеватора
То дерево растет.

Л. ТАТЬЯНИЧЕВА

г. Челябинск.

НЕВЕСТА: — Ах ты, мой суженный!

Рисунок Е. ШУКАЕВА

В ПОИСКАХ СОДЕРЖАНИЯ

Говорят, что заинтересовать читателя, продать ему книгу — дело не столь уж сложное: нужна хорошая реклама. Неисчерпаемые возможности в искусстве рекламы открыты работниками ряда типографий.

Предположим, вы приобрели для сына-девятиклассника «Историю СССР» (Учпедгиз, 1962 год). Какой покупатель удержится от соблазна перелистать книгу прямо у прилавка! Открыв учебник, вы с удивлением обнаруживаете, что авторы предлагают вам запомнить «правописание гласных, не проверяемых ударением», изучить «склонение определительных местоимений» и т. д. Все станет понятным, когда вы прочтаете титульный лист. Под обложкой «История СССР» оказался «Учебник русского языка» для 5-го и 6-го классов. Отпечатано это оригинальное издание на Саратовском полиграфкомбинате.

Тут-то вы и вспоминаете, что сосед просил вас купить «Учебник русского языка» для его внука. Молодцы полиграфисты, ловко напомнили! Поскольку содержание «Учебника русского языка» у вас уже есть, начинайте поиски на полках магазина содержания «Истории СССР». Так как вы уже поняли, что

верить обложке нельзя, запаситесь терпением и перелистывайте все книги подряд. Вас ждут не менее любопытные находки.

Под обложкой 14-го издания «От двух до пяти» Корнея Чуковского обнаружатся несколько десятков страниц романа А. Рыбакова «Екатерина Ворониная» (издание напечатано Минским полиграфкомбинатом). Теперь вы уже ищете, кроме текста «Истории СССР», недостающие страницы «Екатерины Ворониной». Не попало ли что-нибудь из этого, например, под обложку повести А. Гладилина «Вечная командировка»? Открываете титульный лист... Батюшки-светы! Оказывается, вместо одной повести вы держите целых две: «Пантелеев» и «Левашов». Написал их не А. Гладили, а К. Симонов, издал «Советский писатель», а типография № 5 Ленсовнархоза вложила все это в переплет «Вечной командировки».

Итак, вы незаметно для себя оказались в сетях. Три книги вами уже куплены, содержание еще трех вы ищете...

Н. МОНАХОВ

«ВЕЛИКОМУЧЕНИК» МОТЕ

Мотеюс Слункис — колхозная молодежь называла его просто Моте — сидел на краю канавы в глубоком раздумье. Разве это жизнь? У всех дяди как дяди, а у него — настоятель костела, да еще где — в Чикаго!

Когда мать получила первое письмо от американского дяди, Моте даже обрадовался: посыплются посылки, можно будет наплевать и на работу в колхозе и на опостылевшую учебу. Да где там! Уже в следующем письме старик писал, что собирается завещать все свое богатство «Обществу старых дев». Разве справедливо, что дядины доллары попадут к этим святошам? Правда, в конце письма дядя сообщал: «Если мой племянник Моте пойдет по духовной линии, то часть наследства перейдет к нему».

Подумав еще немного, Моте все-таки твердо решил: в ксендзы он не пойдет. Нет! Ходи в этой сутане-юбке, как спутанная корова. Даже в со-

седский сад не влезешь, а если и влезешь, то уж ни за что не выберешься обратно.

А как же доллары? Не оставлять же их старым девам!

...Выпросив у матери адрес дяди, Моте написал в Чикаго трогательное и, как ему сначала показалось, очень убедительное письмо:

«Дорогой дядя! Спаси и помилуй! Из школы меня выгнали и в колхозе работы не дают, когда узнали, что ты живешь в Чикаго да еще работаешь настоятелем. Я много думал о спасении своей души и решил идти по твоим стопам, решил посвятить свою жизнь служению господе богу. Помоги мне сделать черную сутану и белую накидку, так как в наших магазинах продают одну только красную матерю».

Заклеил Моте конверт и даже сам испугался. Не слишком ли он загнул? Вдруг старик не поверит?

Но чикагский дядя, видимо, верил даже в то, что теперь на литовской земле все деревья растут без листьев.

Поэтому через два месяца Моте получил большую посылку с отличными материалами. Он сшил себе костюм, а остальное выгодно продал.

Вдохновившись, Моте написал в Чикаго, что уже почти готов вступить на духовную стезю, но ему еще надо выучиться играть на органе. А так как коммунисты запретили держать в костеле органиста, то ксендзы аккомпанируют друг другу. Не может ли дядя прислать, если не орган то хотя бы аккордеон?

Дядя снова обидел старых дев и прислал аккордеон.

В новом шикарном костюме, с аккордеоном под мышкой Моте помчался к даме своего сердца Эле. Раньше она была руководительницей самодеятельности колхозного клуба, а сейчас, как и Моте, бездельничала.

— Элите, научи меня играть, а я тебе мужа найду.

— А кто он такой? — оживилась Эле.

— Я, собственной персоной!

ЯВЛЕНИЕ ЛЕКТОРА-АТЕИСТА НАРОДУ (по картине А. Иванова)

ПО ПРИХОТИ ЮБИЛЯРА

— Очень-то ты мне нужен! У тебя же ни копейки за душой!

Но когда Эле познакомилась с грандиозными планами будущего обладателя долларов, то стала поглядывать на Моте более ласково.

Моте и Эле сразу же отправились сочинять очередное письмо в Чикаго. Они долго спорили о том, какие вещички выгодно попросить у американского дяди, и не заметили, как в комнату вошел отец Моте. Увидев чикагский адрес, он взял письмо, бегло просмотрел его и... через минуту явился с вожжами в руках.

— А я и не знал, что ты святой попрошайка...

Моте, взбодренный отцовскими вожжами, пошел работать на колхозную ферму. А с ним и Элите. Кто бы мог подумать — стыд заел.

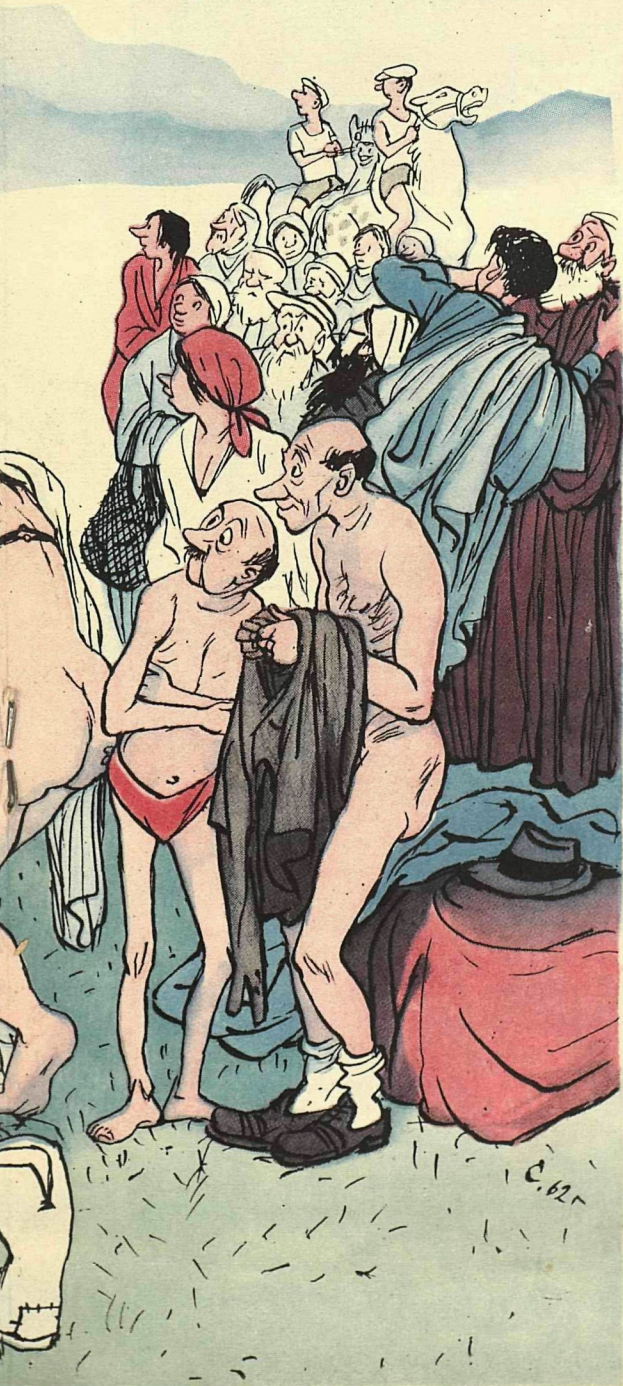
Чикагский дядя до сих пор не может понять, почему вдруг замолчал его духовный воспитанник. Не иначе как преследуют его за веру. Бедный «великомученик» Моте!

А чикагские старые девы воздают громкую хвалу господе за спасенные доллары.

Амен!

Сокращенный перевод с литовского.

Рисунок И. СЕМЕНОВА

В зале заседаний ослепительно сверкали люстры. Все подчеркивало торжественность момента. Первый оратор, волнуясь и откашливаясь, вступил на трибуну, ведя велосипед с мотором.

Рассказав подробно о заслугах уходящего на пенсию товарища и горько упрекнув неумолимое время за эту разлуку, он эффектно перешел к финалу:

— А теперь, дорогой, вручаю тебе наш скромный подарок. Пусть этот велосипед привезет тебя не только в живописные окрестности нашего города, но и сюда по знакомой дороге, в родной металлургический комбинат, где ты так долго был заместителем директора по труду и кадрам.

Эта шумно одобренная речь сильно подорвала возможности других ораторов, стоящих в очереди с подарками. Когда шестеро дюжих молодцов, кряхтя и отдуваясь, втащили на трибуну блестящий, как айсберг, холодильник, тема о заслугах оказалась исчерпанной.

Но зато как убедительно, как тепло говорили сами подарки! Превосходные золотые часы тикали о том, что нужно беречь каждую минуту быстролетной жизни, а нарядная радиолка ворковала о радостях домашнего уюта.

Нет, недаром руководители цехов лихорадочно готовились к прощальному вечеру — он шел отлично! Гора подношений росла, а у подъезда уже стояли наготове автомобили для отправки подарков домой.

...Рассматривая сложную проблему юбилея в историческом аспекте, мы замечаем, что он всегда был наградой лучшим, достойнейшим. Обряд торжественных подношений имеет тысячи оттенков и вариаций, от зеленого лаврового венка до... Но подождем ставить точку. Ведь это пока — искусство растущее: в том убеждает нас интересный опыт устроителей юбилеев на Нижнетагильском металлургическом комбинате.

Разумеется, далеко не каждый устаивается такой честью. Сначала происходит как бы естественный отбор из среды возможных кандидатов. Затем ответственная комиссия составляет подробную методическую инструкцию и первым делом заказывает для избранника памятный адрес в роскошном переплете.

Следующий этап — психологический. Изучение вкусов юбиляра, привычек, наклонностей. Юбиляр нередко проявляет широту натуры, умалчивая о пристрастии к скромным подснежникам и сигаретам «Памир». Вооруженная боевым планом, комиссия бросается на молодецкий штурм — опустошает магазины, осаждают Посылторг и т. д.

Осчастливленные юбиляры говорят меж собой: «Скажи, что тебе купили к юбилею, и я скажу, кто ты». На проводах председателя завкома профсоюза можно было легко угадать, что чествуют не только ответственного работника, но вместе с тем рыбака и охотника. Ибо из груды подношений выглядывали, помимо часов, телевизора и многого другого, охотничьи сапоги, а сверх того — два отличных спиннинга.

Но все же мы пока только подготовили читателя к еще более сильному впечатлению: не описать словами восторги и муки юбилейного творчества на комбинате, которые произошли в связи с памятным днем рождения А. Ф. Захарова.

— Анатолию Федоровичу Захарову, бывшему директору комбината, а ныне заместителю председателя Свердловского совнархоза, исполняется пятьдесят лет! — Как молния, блеснула эта весть перед организаторами юбилейных начинаний. Они прямо-таки задрожали от волнения. Как отметить? Выразить-то как?! Придумать такое, чтобы донести до областного центра всю их горячую любовь и нежность, не потеряв при этом ни единого градуса тепла...

— Магнитофон! — воскликнул кто-то. — Записать живое слово, на века запечатлеть наши приветы и поздравления!

И вот в голубом зале Дворца культуры комбината уже установлен магнитофон. А поздравители-заочники, попробовав в сторонке голоса и мысленно представив себе дорогое лицо

далекого начальника, говорят в микрофон вдохновенные слова благодарности и восхищения. Директор подшефного комбинату детского дома нежно поздравила невидимого именинника от имени деток.

«Как сердцу высказать себя?» А что, если...

— Товарищи! — неистово закричал председатель юбилейной комиссии, закрывая восторженные голоса заочников. — Меня, кажется, осенила идея: а что, если мы запишем на пленку любимые песни Анатолия Федоровича?! Сами мы не мастера вокала, но у нас есть художественная самодеятельность, есть народные таланты... Сюда их, сюда!

Счастливую идею встретили с воодушевлением. Срочно вызванные специалисты по звукозаписи получили приказ — запечатлеть на магнитофонную ленту обожаемые юбиляром музыкальные произведения. Под сводами Голубого зала призывно зазвучал упоительный вальс «Фавн» в исполнении хоровой капеллы Дворца культуры. А затем с граммофонной пластинки на дарственную ленту была благополучно переведена песня «Я люблю тебя, жизнь». В ней как нельзя лучше выразились чувства, переполнявшие поздравителей: «Я люблю тебя снова и снова...»

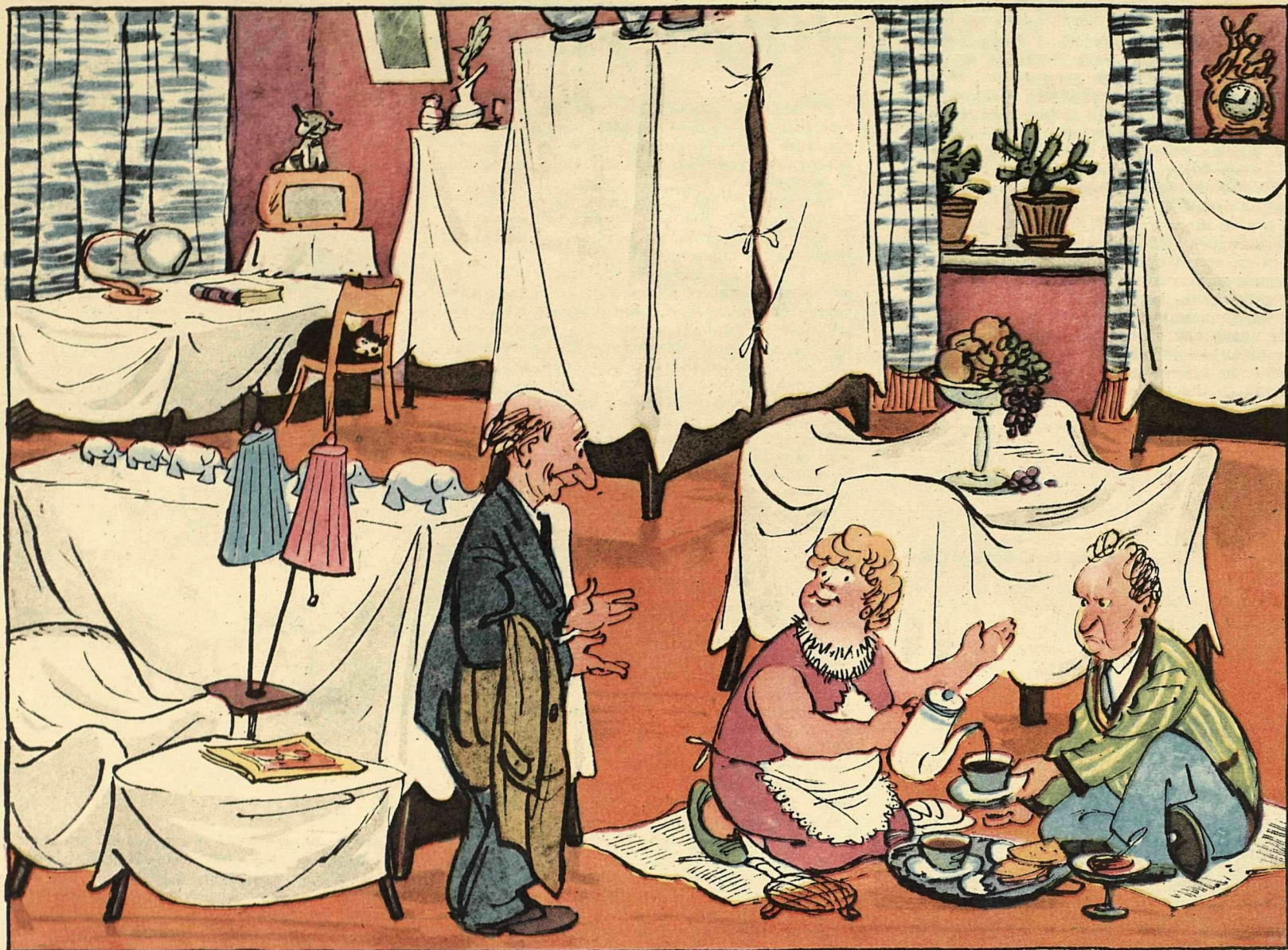
Словом, поздно вечером, накануне торжества, из Нижнего Тагила в Свердловск тронулась вереница машин с магнитофоном и ликующими участниками празднества.

Будьте спокойны, здешние энтузиасты юбилейного искусства не попадут впросак из-за бесплановости и самотека. У них всегда есть особый план с примечательными датами. Наподобие того, которым пользовался Фамусов, если откинуть, конечно, его скудные помещичьи масштабы: «К Прасковье Федоровне в дом во вторник зван я на форели...» Какие уж тут форели! При таких аппетитах без пудовых осетров не обойдешься!

И творческих кризисов устроители юбилеев не боятся. Были бы деньги — казенные или собранные с почтительных подчиненных, — а там дерзай, придумывай, выписывай феерические зигзаги, выкидывай колена! Недаром же толкуют в Нижнем Тагиле о том, что ослепительные юбилеи на металлургическом комбинате порою блистают ярче мартемовских огней...

Ольга ПОЗДНЕВА

— А мы купили новую полированную мебель!

Рисунок С. КУЗЬМИНА

Узелки на память

За его плечами был большой
опыт ношения рюкзака.

Слава стяжателя пришла к не-
му не даром.

Человеку всегда снится, что он
не спит.

Перестраховщик никогда не дер-
жался определенного мнения, а
лишь придерживался его.

Захлебываясь, расписывал свое
умение плавать.

Пострадавший жаловался, что
его подбили на драку.

Не каждый хохочет, попав в ще-
котливое положение.

Баскетболисты играли так пло-
хо, что репортер забросил отчет в
корзину.

Т. КОНСТАНТИНОВ

Асен БОСЕВ

ЗАБОТЛИВЫЕ РОДИТЕЛИ

Что за родители
Есть среди нас!
Дети для них —
Драгоценный алмаз.
Страшно им,
Если их сын во дворе
Вдруг подойдет
Поиграть к детворе.
Чуть что не этак,
Родители хмурятся:
— Это влияет
Проклятая улица!
Ценко-сыночка
И ночи и дни
Всюду с собою
Таскают они.
Только с любимого
Глаз не спускать бы,—
Водят его
На крестины и свадьбы...

Мало годочков
Родному сыночку,
Но иногда он не спит
И всю ночь.
— Чокнемся, Ценко!
Бери свой бокальчик! —
В центре внимания
Маленький мальчик.

Знает малыш
Не один анекдот,
Даже и взрослых
За пояс заткнет.
— Спой-ка нам, Ценко! —
Скомандуют сыну.
— Мама, какую?
«Карину»? «Марину»?
Кто-то горланит
Сквозь рюмочный звон:
— Брось ты «Марину»,
Валяй «Се-си-бон»!
К сыну заказы
Летят без конца,
Так что срывается
Голос певца.
Рад и папаша,
И мамочка рада:
Их ненаглядное,
Милое чадо
Перед глазами
У них
У двоих!

Строгие мама
И папа подчас
Вечером в баре
Танцуют под джаз.
Курят мужчины,

И женщины пьют,—
Ценко, конечно,
Находится тут.
Ценко ест мясо,
И рыбу, и птицу,
А заодно
Ест глазами певичку.
А иногда
Малолетнего Ценку
Кто-то по пьянке
Толкнет и на сценку.
Ценко танцует
В табачном дыму.
— Bravo! — кричат
За столами ему...

Мама и папа
Сидят и сияют,
Мама и папа
От радости тают:
— Что за сынишка!
Одно обаянье!
Уберегли
От дурного влиянья!

Перевели с болгарского
А. ВНУКОВ
и Н. КНЯЗЕВ.

ВЕРХОМ НА ЗЕЛЕНОМ ЗМИИ

ПАМФЛЕТ

— Нет, нет,— пробормотал генерал Салан,— я не могу подписать этот чек. Доверить сто миллионов франков этому гартюфу! Нет, еще раз нет! Не уговаривайте!

— Но, мой генерал,— твердо сказал защитник Салана мэтр Тиксье-Виньянкур,— вы знаете, что другого выхода нет. Кто-то должен в конце концов возглавлять ОАС, пока вы, генерал, надеюсь, временно, находитесь здесь. А кроме него, некому. Полковники — и Аргу, и Гард, и Годар — достойные люди, но жулики чистой воды. Сцапают деньги и бегут.

— Все-таки я еще подумаю,— сказал генерал,— ведь он же... — И Салан выразительно щелкнул себя по горлу.

— Ну и что же, мой генерал,— возразил адвокат,— сколько он может пропить? Сто тысяч, от силы пятьсот тысяч франков. И потом мы можем приставить к нему полковника Аргу: у него язва желудка, и он спиртного в рот не берет.

Примерно такой разговор происходил в тюрме Фрэн между главаром ОАС Раулем Саланом и его ближайшим сподвижником адвокатом Тиксье-Виньянкуром — присяжным защитником всех французских фашистов.

Колебания генерала были вполне оправданы. Ведь предстояло вручить прерогативы главы ОАС и чек на 100 миллионов франков личности, хорошо известной во Франции,— бывшему премьеру Жоржу Бидо. Прерогативы Салана не особенно волновали: из них, как говорится, манто не сошьешь, а вот 100 миллионов...

Тем более, что Бидо прославился на политической арене не только как ярый поклонник «Наполеона» (не императора Франции, а коньяка, который под этим названием выпускает фирма Курвуазье), но и как человек, крайне неразборчивый в средствах. Его бесцеремонность в обращении с чужими идеями может сравниться лишь с бесцеремонностью в обращении с чужими деньгами. Ничего не поделаешь, сказывается иезуитский колледж, в котором он получил образование. Псы Христовы — отцы-иезуиты — накрепко вбили в голову своему питомцу основной догмат: «Цель оправдывает средства».

* * *

Всю войну Жорж Бидо мужественно просидел в одном из бенедиктинских монастырей. Уйдя в подполье, он нашел в подвалах не только запас ликера, прославившего этот монашеский орден, но и солидную коллекцию других благородных крепких напитков. Провоевав с бочками несколько лет, Бидо к 1944 году стал таким знатоком вин и коньяков, что де Голль, не колеблясь, назначил его министром иностранных дел. Ведь генерал де Голль любит повторять, что внешней политикой Франции занимается он сам, а министр иностранных дел нужен ему только для произнесения тостов на дипломатических приемах и раутах.

И с тех пор Бидо прочно попал в упряжку тех буржуазных деятелей Франции, которые землю роют, чтобы распоте-

шить своего хозяина из Вашингтона. Бидо — постоянная пристяжная почти любого правительственного выезда во Франции послевоенных лет. Обычно ему как специалисту по тостам доверяли иностранное ведомство, а когда не было других кандидатов — даже и пост премьера. Но дело не только в выпивке. Алкоголиков во Франции много, но не все же становятся премьерами. Остряки, завидев Бидо, вспоминали старую французскую поговорку: «Ищите женщину». Впрочем, особенно искать ее не приходится. Жену Бидо, Сюзанну Борель, газеты открыто называют одним из основных агентов американской разведки во французской дипломатии. Она даже награждена за свою верную службу высоким американским военным орденом.

Но и супруга с орденом не в состоянии была спасти Жоржа Бидо от конфуза, который в 1954 году положил конец его правительственной карьере. Французы говорят: «Смешное убивает», — и Жорж Бидо своей политической смертью блестяще доказал справедливость этой поговорки.

В мае 1954 года французский экспедиционный корпус в Индокитае терпит решающее поражение. Воины Вьетнамской народной армии в битве под Дьен-Бьен-Фу окружают и уничтожают выпестованные Саланом отборные части французских парашютистов. Бидо, который в этот период занимал насыженное и просяженное им кресло министра иностранных дел, никак не мог стерпеть этого, как он выразился, «успеха международного коммунизма». Он жаждет реванша, он стремится один на один сразиться с красной угрозой, он ищет себе противника. Ищет и находит.

В те дни в Париже готовился к выступлениям всемирно знаменитый балет Большого театра.

— Как! — воскликнули Бидо и его премьер-министр Жозеф Ланьель, сидя за бутылкой «Наполеона». — Во Вьетнаме красные бьют французских солдат, а в Париже французы будут аплодировать «красной звезде» Улановой? Подать сюда их репертуар! Что они там танцуют?

«Пламя Парижа», «Красный мак»... Ну так и есть, вот она, дьявольская кремлевская пропаганда! Запретить!

«Золушка»... На кухню девчонку!
«Спящая красавица»... Разбудить и выпороть!

«Лебединое озеро»... Осушить! Лебедей выслать в двадцать четыре часа по месту прописки в Москву!

Словом, гастроли Большого театра были запрещены, а Ланьель и Бидо, исполнившие антикоммунистическое па-де-де, стали посмешищем Франции.

В первые месяцы после этого антраша Жорж Бидо никак не мог понять, почему его не приглашают на правительственные посты, а парижские мальчишки, увидев его на улице, указывают пальцами и смеются. Через год это начало ему надоедает и он налег на любимый «Наполеон». Но и алкоголь не приносил облегчения. К тому же за-

работков жены стало не хватать на высококоротные коньяки. И тогда он избрал себе карьеру журналиста.

Название журнала «Каррфур», который он превратил в свою трибуну, на русский язык переводится как «перекресток». Стоя на этом перекрестке, подобно парижской ночной даме, Жорж Бидо настойчиво предлагает себя всем, кто собирается проводить реакционную политику во Франции. Но все более или менее солидные клиенты, завидев Бидо, спешат перебежать на другую сторону улицы: от его писаний в «Каррфуре» несет самой настоящей алкогольной горячкой. Только, пожалуй, Геббельс превосходил Жоржа Бидо в патологической ненависти ко всему передовому, прогрессивному, в разнузданной пропаганде расизма и человеконенавистничества. Во Франции этих лет было немало людей, провозгласивших лозунг «Алжир — это Франция». Но всех их побивал Жорж Бидо, который заявлял, что Франция — это не только Алжир, но и Тунис, и Марокко, и Индокитай, и Гвинея.

Но высшим своим достижением, очевидно, Жорж Бидо считает номер «Каррфура», посвященный проблемам колониализма. Видимо, во время его подготовки редакция выставила целый бочонок коньяка. Все проблемы в этом номере Бидо решил просто и изящно. «Колониализм? О да, господа, он существует,— восклицал бывший премьер,— но произошло досадное недоразумение! Почему-то в мире, когда говорят о колонизаторах, указывают на Уоллстрит, на лондонское Сити, на Королевскую улицу в Брюсселе или на банк Ротшильдов в Париже. Взгляните трезво фактам в глаза! — зывал Бидо.— Нынешние колонизаторы — это Марокко, Тунис, Индонезия, Гвинея, Индия: они по наущению Кремля дискриминируют, эксплуатируют и вообще всячески обижают нашу белую расу. Объединимся все и пойдем в поход против этого зеленого... стоп, о чем это я, собственно, говорю... против этого красного змия».

Говорят, что после этого номера «Каррфура» врачи-психиатры прописали Бидо полный покой и запретили даже смотреть на звездные бутылки, украшенные портретом Бонапарта. Но он не выдержал зарока. С одинаковым упорством он продолжает воевать и против зеленого змия и против «красной» опасности.

...Вот в какие руки должен был передать генерал Салан корону и казну ОАС.

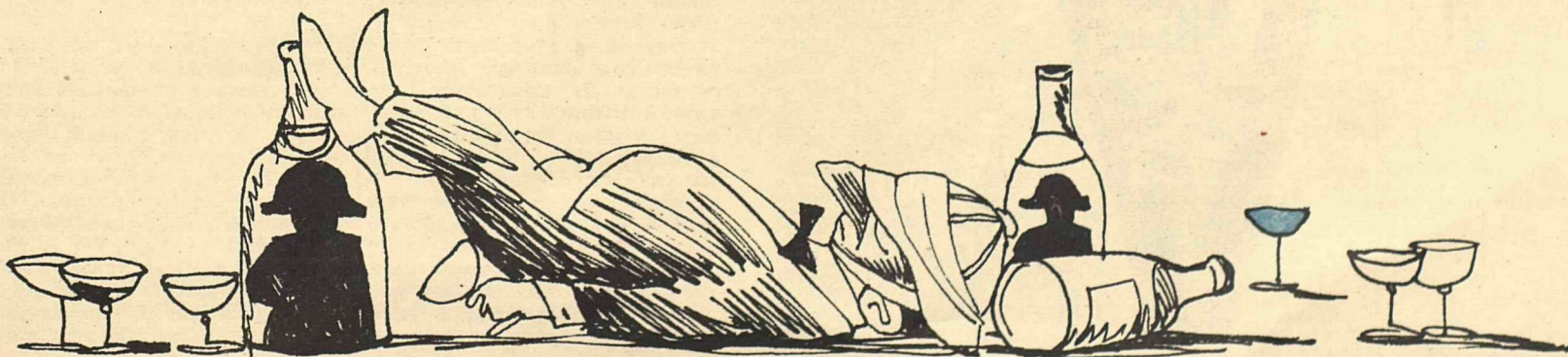
* * *

— Но другого-то нет,— еще раз умоляюще повторил адвокат,— он все-таки бывший премьер, и жена опять же со связями.

Салан еще раз вздохнул, вынул из кармана авторучку и подписал чек.

Так иезуит и пьяница, испровергатель балета и апологет расизма Жорж Бидо стал главой «Вооруженной секретной организации» французских фашистов.

Ю. ХАРЛАНОВ

Крокодильский телеграф

Нью-Йорк. На смену уже уставшему танцу «твист» приходит новая серия конвульсивных телодвижений под названием «холли-колли». От «твиста» этот танец отличается тем, что, во-первых, во время его исполнения полагается пронзительно визжать, а во-вторых, его можно и даже желательно исполнять по пояс в воде, например, в фонтане.

Любопытно отметить, что современное американское хореографическое искусство движется явно в обратном прогрессу направлении. «Твист» напоминал брачные пляски обезьян. «Холли-колли» уже напоминает движения земноводных, которые появились на свет божий задолго до обезьян. Следующий шаг — подражание амёбе.

Мали. Одна из крупнейших французских газетных монополий, «Месажери де ла пресс франсез», очень недовольна независимой по-

литикой Республики Мали. В качестве наказания она прекратила поставку в Мали ряда французских изданий.

Но, к удивлению парижских неокolonизаторов, в Мали не произошло ничего страшного, разве что стало несколько меньше бумаги для обертки...

Стамбул. Уже много лет американцы занимаются поисками «Ноева ковчега» на горе Арарат, расположенной вблизи советской границы.

И в этом году, как сообщает газета «Хьюриет», в Турцию снова прибыла экспедиция американских «археологов». Они почему-то держат свою деятельность в секрете и тщательно избегают встреч с журналистами.

Не потому ли, что «археологи» обращаются друг к другу не «господин профессор», а «майор» или «капитан»?

— А не зайти ли нам в «Риффи-фи»? — спросил меня Франц.

Я пожал плечами. Мы уже несколько часов бродили по улицам Западного Берлина. Пора было возвращаться в гостиницу «Иоханисхоф» — за границу. С другой стороны, конечно, очень любопытно...

Фильм «Риффифи» я видел несколько лет назад в Вене. Тогда он наделал много шума: Еще бы! На экране в течение получаса обстоятельно, с профессиональной точностью показывали, как нужно грабить банки. Причем показывали крупным планом, неторопливо, с самого начала и до конца. Показывали, как нужно взломать потолок над банковским помещением, как нейтрализовать систему сигнализации, как просверлить отверстие в сейфе, как извлечь деньги... Одним словом, это было прекрасное пособие для начинающих взломщиков, доступное даже для наименее способных из них.

Вскоре после выхода фильма было совершено несколько ограблений банков, причем технология, предложенная в «Риффифи», соблюдалась неукоснительно. Это ли не воспитательная сила искусства? Тем не менее доходный фильм еще долго не сходил с экранов. Его еще и сегодня можно посмотреть в некоторых странах Запада. Название фильма стало нарицательным для «шикарной» жизни гангстеров.

И вот мы подходим к бару, над входом в который броско начертано: «Риффифи». Здесь по вечерам собирается западноберлинская молодежь — вероятно, самое страшное порождение затянувшейся западной оккупации и гнилого «экономического чуда»

Плата за вход умеренная, вполне доступная — полмарки. Завсегдатаи «Риффифи», принимающие участие в провокациях на границе с ГДР, получают от тех, кто их нанимает, восемь марок в день. Разумеется, с такими деньгами нечего и носа показывать, например, в «Санкт-Паули», где посетителей — по преимуществу скучающих богатых старичков — начинают обирать еще с порога. Там восьми марок будет недостаточно даже для того, чтобы про-

«РИФ»

Из путевого

сто занять место за столиком. Нет, в «Риффифи» свой стиль — бар рассчитан на молодежь. Вы, может быть, подумали, что это убыточно для владельцев бара? Да ничуть! Хозяева «Риффифи» и владельцы других подобных локалей (а их, говорят, в Западном Берлине насчитывается около двух тысяч) обратились за дотацией к «отцам города». И, по-видимому, не безуспешно. В Западном Берлине многое содержится за счет дотаций и субсидий. Из государственного бюджета ФРГ на покрытие дефицита «фронтального города» ежегодно переводится один миллиард марок. Содержание «витрины свободного мира» обходится в копейку.

Мы с Францем входим в бар и сразу становимся красного цвета. В «Риффифи» с помощью специального освещения все окрашено в цвет крови.

Толпа хилых подростков и развязных девиц виляет тощими крупными под заливчатую мелодику, вылетающую из музиковбокса:

Их бин кайнен Даллес.
Их бецале аллес¹.

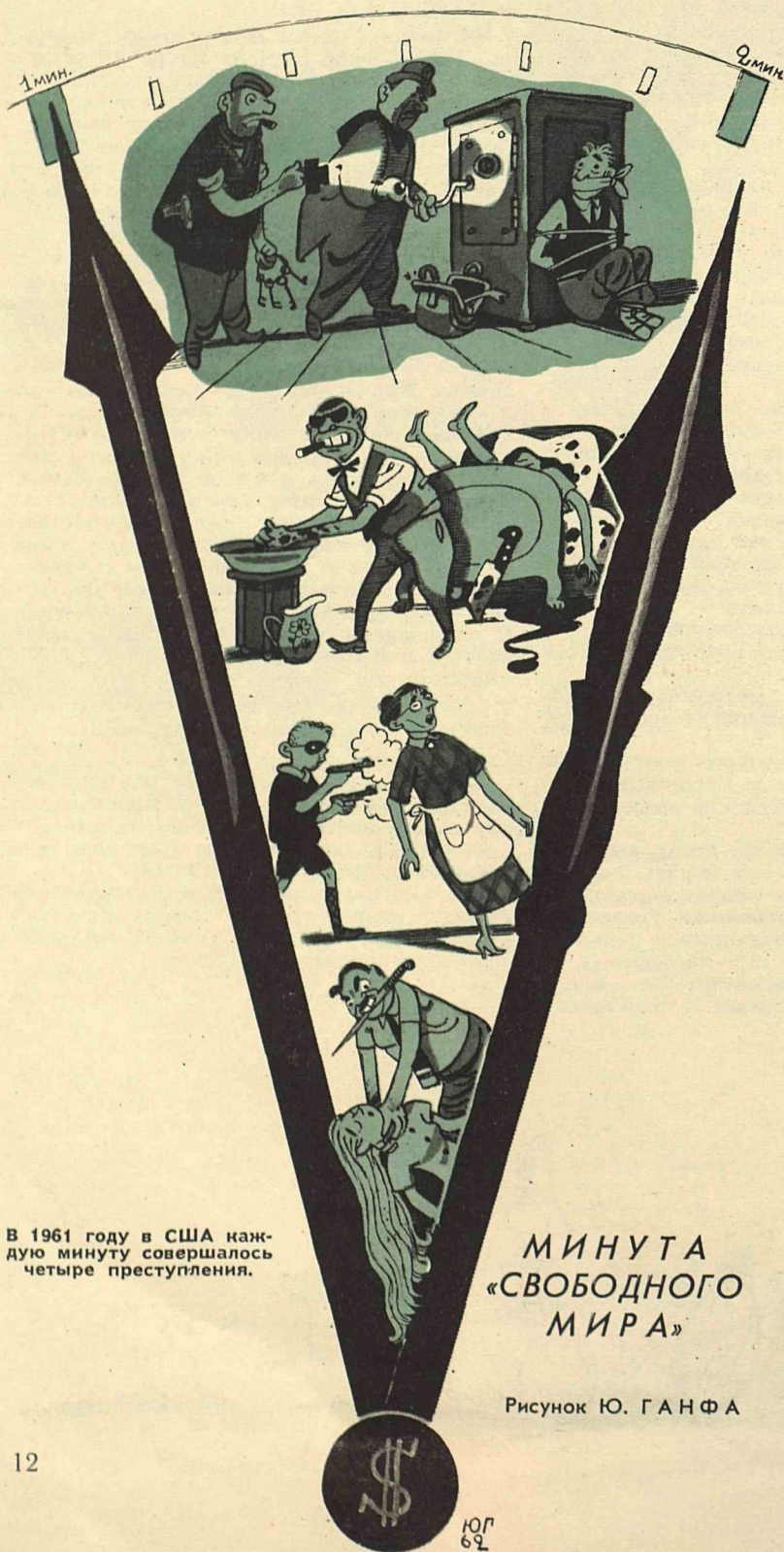
С трудом пробираемся сквозь разопревшие тела танцующих к свободному столику. Справа и слева на нас устремлены обещающе-оценивающие взоры немисливо окрашенных девиц. Головы зеленые, фиолетовые, белые, как пух курицы. Позднее, приглядевшись, я понял, что большинству из них не больше семнадцати.

У каждого столика свой внутренний телефон. Каждый имеет свой номер. Мы едва сели, как раздался мелодичный тихий звонок. Трубку поднял Франц; он знал, что нужно сказать, чтобы не приставали:

— Кайне гешефт. Кайн гельд².

¹ Я не Даллес.
Я плачу за все.

² — Никаких сделок. Нет денег.

В 1961 году в США каждую минуту совершалось четыре преступления.

МИНУТА
«СВОБОДНОГО
МИРА»

Рисунок Ю. ГАНФА

Студенческ

Мы никак не можем согласиться с теми, кто утверждает, будто американские пропагандисты безнадежно ленивы и неизобретательны. Безусловно, есть у них любимые коньки, с которых они ни за что по доброй воле не слезут, разве что их стащат за руку из седла.

Но вместе с тем в Госдепартаменте и американской печати нет-нет да чувствуются новые веяния и новые идеи.

Совсем недавно два военных корабля из Флориды совершили пиратский налет на побережье Кубы и обстреляли мирные жилые районы Гаваны. И, заметьте, в Вашингтоне на этот раз никому и в голову не пришло утверждать, что суда эти научные, что направлялись они вовсе не к Гаване, а к Северному полюсу, что заблудились они по ошибке, а пушки какой-то шутник тайком установил на палубе и что выстрелили они сами по себе, в результате пятен на Солнце.

Нет, на этот раз было выдвинуто совершенно новое, ни разу еще не использовавшееся объяснение. Оказывается, во всем виноваты студенты. Да, именно эти озорники, уставшие от высшей математики и флиртов со студентками, решили немножко пошалить. Бедняги, сколько им пришлось поработать! Обегали, должно быть, все антикварные магазины, обшарили все чердаки, пока не нашли все-таки два военных судна. Ну, само собой разумеется, пришлось ребятам купить в складчину и самолет-арткорректировщик. Отказались, наверное, на неделю от пирожков и кока-колы. Зато вышла проказа на славу, что и говорить!

Даже такая солидная газета, как «Нью-Йорк таймс», и та с удовольствием напечатала отчет о «студенческих играх». Не удивительно. Великолепная идея! Как только где-нибудь американский империализм ненароком чересчур открыто покажет когти и

Девушка с зеленым хвостом на за- тылке, сидевшая за столиком номер восемь, презрительно скривила губы и положила трубку.

По соседству расположились две пары. Сначала мне показалось, что молодые люди отличались друг от друга. Одежды и причесаны они были совсем по-разному. Одна девушка так декольтирована, что, пожалуй, было слишком даже для пляжа. Другая, напротив, накрутила вокруг шеи длинношерстную рыжую шкуру. Ее приятель, обросший, в грязном балахоне, был похож на одичавшего пирата с необитаемого острова, а другой парень, в безукоризненном костюме, казался манекеном, только что выскочившим из витрины. Да, на первый взгляд они были совсем разные. Но чем дальше я глядел, тем больше убеждался, что все они до жути похожи друг на друга. Одинаковыми были испытые, обтянутые дряблой кожей лица, пустые глаза, похожие на запыленные окошки брошенного дома. Все четверо вяло покуривали и за полчаса не сказали ни одного слова.

Рядом с нами сели два подростка. Один — с пуховидной бороденкой вокруг острого подбородка, с тонкими трясущимися руками. Вероятно, наркоман. Другой — быкообразный, с волосами щеткой, с крупными розовыми бородавками по щекам, как будто ему в лицо швырнули горсть фарша. Подозвав небрежным жестом официанта, бородатый юнец процедил сквозь зубы: «Цваймаль Пушкин!»

Я подумал, что ослышался. Но официант, прежде чем направиться к стойке, повторил: «Цваймаль Пушкин».

Поймав мой недоуменный взгляд, Франц с улыбкой наклонился ко мне:

— Он заказал две стопки водки.

— При чем же здесь Пушкин?

— Видишь ли, какому-то дельцу пришла в голову идея нарисовать на водочной этикетке портрет Пушкина.

— Идиотство! Знают ли они вообще, кто такой Пушкин?

— Давайте спросим. Простите, господа, не могли бы вы нам сказать, кто такой Пушкин?

— Вы не знаете, — удивился бородавчатый, — что такое Пушкин?

— Нет, не что такое Пушкин, а кто такой...

— Пушкин — это русский писатель, — снисходительно начал бородавчатый юнец. — Написал либретто к операм «Евгений Онегин», «Пиковая дама» и, кажется, «Проданная невеста». Его расстреляли большевики.

— Ясно. Спасибо за исчерпывающую информацию.

— Мойсхен! — Знарок русской литературы сделал призывный жест существу, вынырнувшему из толпы танцующих. Мойсхен, что значит мышка, держала на руках крошечную черную собачку. И собачка и ее хозяйка и впрямь были похожи на мышку — востроносенькие, с маленькими бегающими глазами.

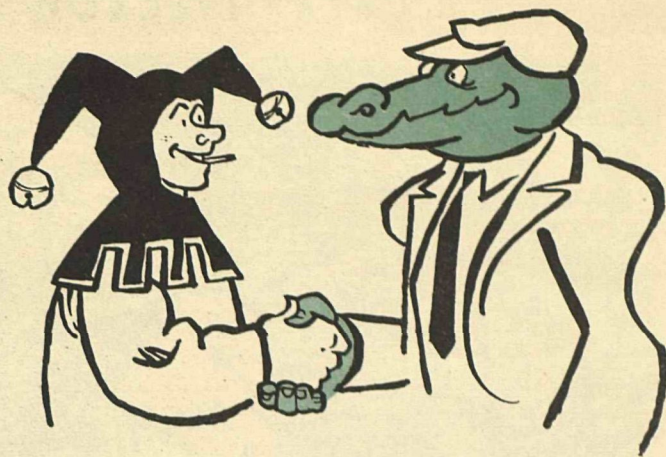
Мойсхен медленно выцедила рюмку водки, не допитую Фреди, откусила острыми зубками шоколад и принялась кормить им собачонку.

Я больше не мог. Наступая на ноги танцующим, я выскочил на вестибюль. Меня мучило. Мне хотелось бегом бежать в демократический сектор, чтобы поскорее увидеть нормальных людей.

Но мне все-таки пришлось подождать Франца, который рассчитывался. Я стоял у гардероба и с нетерпением ждал его. И тут совершенно неожиданно увидел нормальное человеческое лицо. Это была гардеробщница. Такая же молоденькая, как и те, что были в зале. Аккуратная прическа, умные серые глаза, простенькое платьице.

Она работала. И за это ее презирали. Ее не замечали. В этом вертепе она была чужой, неуместной, как новая вещь на свалке старья. Мы попрощались с ней, уходя. Девушка вздрогнула. Я не забуду ее печальных глаз. Они словно молили о помощи. Такие глаза, наверное, бывают у человека, которого по ошибке поместили в сумасшедший дом...

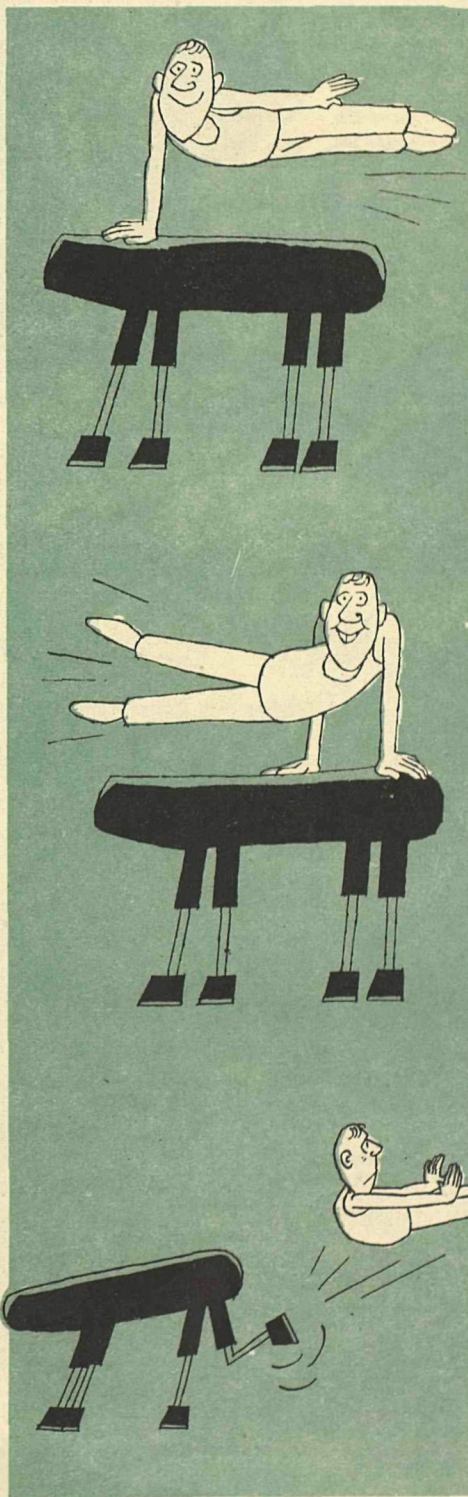
Л. СТЕПАНОВ

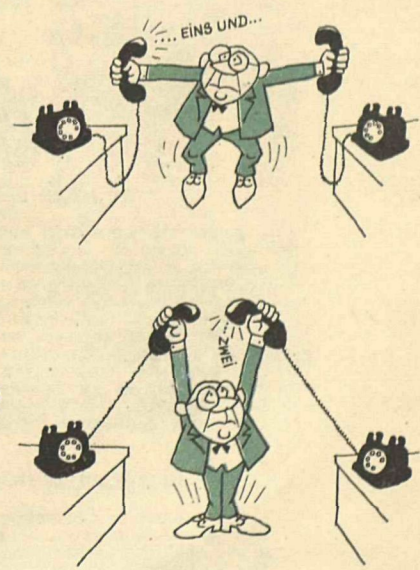
В редакции Крокодила сейчас работает художник «Ойленшпигеля» (ГДР) Луис Раувольф.

Поздоровавшись с Крокодилом, художник снял традиционный костюм Ойленшпигеля, вооружился карандашом, бумагой и отправился в некоторые спортивные залы столицы.

Вот что он там увидел...

— Тысяча двести двадцать семь, тысяча двести двадцать восемь...

Производственная гимнастика.

ИЙ КРЕЙСЕР

Клыкки, тут же можно будет сослаться на студентов. Ну что ты с ними, с шалунами, поделаешь! Балуются, да и только! А студенты — народ ушлый, от них чего хочешь ждать можно. Возьмут да и купят в складчину крейсер и пошлют его озорничать в Тайваньский пролив. А то найдут в сарае у тетки старые железяки и построят межконтинентальную ракету с атомным зарядом. Ох, уж эти студенты!

С другой стороны, американские пропагандисты решили, что нельзя все время пугать только рукой Москвы. Иной раз не мешает найти и другие руки. И вот для оправдания агрессивных актов против Кубы американские газеты распространяют сообщения, будто на Кубе полным-полно коварных агентов из-за границы, которых не отличишь от местного населения. И все потому, что на этот раз сюда заслали... негров из Конго. Причем эти негры, как утверждает все та же газета «Нью-Йорк таймс», «говорят на алжирском, французском, русском, китайском и чешском языках». Вот они какие!

И ведь заметьте, тоже плодотворная идея. Негров, как известно, на Кубе много. Значит, можно смело утверждать, что это все не кубинские негры, а тайные и коварные агенты Конго, которые со дня на день захватят Нью-Йорк и Сан-Франциско.

И что вообще кубинцев на Кубе не осталось, а весь остров заселен, скажем, советскими туристами, задержанными под кубинцев и, само собой разумеется, говорящими по-испански без акцента.

Вот только правду буржуазные американские газетчики никак не научатся писать. Впрочем, если бы научились, тогда их перестали бы печатать...

З. ЮРЬЕВ

Порфирий Никитич КРЫЛОВ (КУКРЫНИКСЫ)

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Дружеский шарж И. СЕМЕНОВА

Отклики и реплики

НЕ НАДО ВЫМОГАТЬ...

Директор Сонского лесхоза, что в Красноярском крае, И. С. Орлов никак не мог расстаться с подведомственной ему деловой древесинной, не получив за нее кое-что «внеплановое». Директор предъявил заказчику — целинному совхозу — своего рода ультиматум: вышлите нам, дескать, мотоцикл, тогда и отгрузим в ваш адрес дровишки...

Алчный И. Орлов (см. заметку «Деляги на промысле», № 19 Крокодила) наказан. За вымогательство при реализации продукции Красноярский совнархоз объявил ему строгий выговор.

ВО ВРЕМЯ ЛЕТНИХ ОТПУСКОВ...

Использовать служебное положение в личных целях, как известно, не рекомендуется. Однако и. о. главного инженера управления пищевой промышленности Новосибирского совнархоза С. И. Сахаров этого не понял. Он совместил приятное с... приятным же, отправившись отдыхать к Черному морю с командировочной в нармане (см. Крокодил № 20, фельетон «Безоружные налетчики»).

За использование служебного положения и злоупотребления сверхрасчетливому С. Сахаро-

ву объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку.

В ЦЕЛОМ И В ЧАСТНОСТИ...

Жительница Казани гр-на А. приобрела платье из крепдешина Тбилисской шелкоткацкой фабрики. И тотчас окрасилась в черный цвет. Странное явление было отмечено в анналах Крокодила (см. № 18) заметкой «Вместо загара».

Дирекция Тбилисской шелкоткацкой фабрики считает, что в заметке все правильно; она наметила «мероприятия, исключающие вред выпуск тканей непрочного крашения». Кроме того, за крепдешин непрочного крашения наложены строгие административные взыскания на ряд руководящих работников фабрики.

Однако нас несколько заинтриговали три строки в ответе фабрики. Вот они:

«Дирекция фабрики сообщает, что в ЦЕЛОМ шелковые ткани, КАК ПРАВИЛО, фабрикой выпускаются в прочном крашении и в ОБЫЧНЫХ УСЛОВИЯХ... не линяют...»

Но, дорогие товарищи из Тбилиси, гр-на А. и другие покупательницы ваших тканей хотят носить платья не «в целом», а в частности. Как правило!

Отвечайте, словари: что такое пестери?

Не допускаются в словари
Из сельского лексикона:
Сугрэвушка,
Фыпики — снегири..
Воркуны — вне закона.
Слова исчезают, как пестери,
Как прясницы и веретена.

...Сказка лучше были,
Хоть порой и проще..
Жили, не тужили..

Александр Яшин

Эх, дела-делишки
На планете древней!
Слушайте, детишки,
Жившего в деревне.
Вспомнишь — в горле вязко,
А на веждах — слезы:
Где вы,
Дёр и таска,
Каша из березы?
Забываться стали
В нашей жуткой буче
Древние детали —
Лапти плюс онучи.
Стали вне закона
Шпандырь и колоды,
Божия икона
Вышедши из моды.
Где же в лексиконе
Шкворни и супони?
Где же в обиходе
Вместо «ходит» — «ходя»?
Где же — черт их побори! —
Сугрэвушки, пестери,
Мирогашки, клуни,
Пеньковые чуни,
Свясла, дежки, туески,
Лохань у порога?!
Сердце рвется на куски,
А в душе тревога.

В. АНДРЕЕВ

Распишитесь в получении

«Фабком ф-ки Головных уборов направляет ребенка Козлова Ваню в возрасте 3-х лет (на обмен).

Пред. фзмк Елисеева.

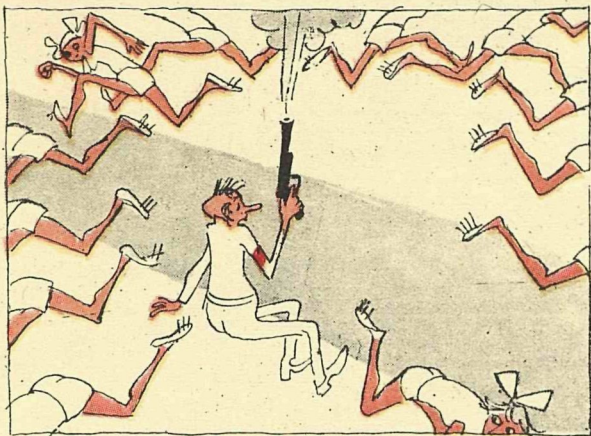
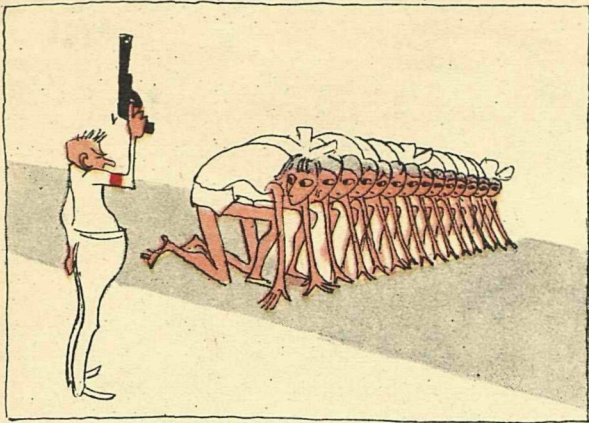
г. Иваново.

— В эту субботу никакой тебе рыбной ловли!

Рисунок В. ВОЕВОДИНА

Девичий переполох.

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

КЛЯКСА И ОСТОРОЖКИН

На лист бумаги клякса угодила
(Случайно брызнули
Капризные
Чернила).
Хоть эту кляксу вытерли давно,
Воскликнул Осторожкин подозрительно:
— Здесь было в прошлом

темное пятно,

И репутация листа
весьма сомнительна!

Л. УЛЬЯНИЦКАЯ

КРОКОДИЛ от всей души благодарит партийные, советские и общественные организации, редакции газет и журналов, своих читателей за теплые поздравления, присланные в редакцию в связи с 40-летием со дня выхода первого номера журнала.

КРОКОДИЛ приносит также благодарность участникам концертного отделения вечера, посвященного 40-летию журнала: народному артисту СССР И. В. Ильинскому, народному артисту РСФСР Л. О. Утесову, заслуженным артистам РСФСР С. А. Мартинсону, Э. И. Каминке, композитору Н. В. Богословскому, поэту Ю. Н. Благову, писателю В. Е. Ардову, концертмейстеру Д. В. Ашкенази, конференсье М. Н. Гаркави и закуливному театру Центрального Дома работников искусств «Крошке» в составе: главной «няни» «Крошки» — заслуженного артиста РСФСР А. Л. Полевого, заслуженного артиста РСФСР В. И. Раутбарта, артистов В. Н. Долгина, И. А. Леонкарова, Н. А. Петрова, Т. Е. Давыдова, В. А. Абрамова.

Что нового в сатирическом цехе

ВЫСТАВКА КРОКОДИЛА «МНЕ СОРОК ЛЕТ»

За сорок лет работы Крокодила на его страницах опубликовано больше 20 тысяч карикатур.

Редакция журнала, Союз журналистов СССР и Московский союз художников открыли к юбилею Крокодила выставку произведений трех поколений мастеров сатирического и юмористического рисунка.

Посетители выставки знакомятся с работами художников — основателей журнала Д. Моора, М. Черемных, И. Малютина. Тут же широко представлено творчество мастеров карикатуры Б. Антоновского, Л. Бродаты, Ю. Ганфа, В. Горяева, Бор. Ефимова, А. Каневского, Кукрыниксы, А. Радакова, Н. Радлова, К. Ротова, И. Семенова, Л. Сойфертиса, Б. Проронова, Бориса Лео и крокодилской художественной молодежи.

Подробности — в каталоге «Мне сорок лет» и, разумеется, на самой выставке, которая открыта в Москве, в выставочных залах МОСХа (Беговая ул., д. 7/9).

«МНЕ СТУКНУЛО СОРОК» — так назвал Крокодил два выпуска альбома карикатур, опубликованных на его страницах с 1922 по 1962 год.

«ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТЬ УЛЫБОК» (по числу собранных в нем карикатур) обещает читателям новый альбом шести молодых художников-крокодилцев.

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА пополнилась новыми книжками. Среди них сборник фельетонов А. ВИХРЕВА «Коварство и любовь», стихи С. ВАСИЛЬЕВА «О зарубие на носу» и Б. ТИМОФЕЕВА «Сокращение строптивой», рассказы Н. ЛАБКОВСКОГО «Тетка императора» и И. СЕДОВА «Женский наприз».

«У НАС В ГОСТЯХ — ШАБРЫ» — написал белорусский «Вожык» на обложке новой книжки своей Библиотеки. Тут собраны переводы произведений русской, украинской, молдавской, латышской, грузинской, казахской и литовской сатиры.

ИЗ КИЕВА СООБЩАЮТ: «Радянський письменник» издал юмористические рассказы Л. ПИСЬМЕННОЙ «У нас в Наддніпрянське». Гослитиздат Украины направил читателям поэтические «Лучи серця» П. РЕБРО. А областное книжное издательство выпустило сборник басен П. КАНАНСКОГО «Кто работает, тот и сияет».

ТЕХНИКА ПЕРЕБОРЩИЛА

— Не все сразу, господи!

Рисунок И. СЫЧЕВА

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Издательство «Правда».

А 03979. Изд. № 1078. Подписано к печати 11/IX 1962 г. Формат бум. 70×108¹/₈. Тираж 1 650 000 экз. Заказ 2554. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

